

М.М. Дунаев

«Ионыч»

На своеобразном использовании художественной детали строится выражение идейного смысла чеховских произведений. Можно напомнить как пример одно из самых совершенных в этом отношении произведений писателя — рассказ «Ионыч» (1898).

Прежде всего, выделяется давно ставший хрестоматийным ряд подробностей, отражающих внешние изменения в укладе жизни главного персонажа.

Начало событий. «Он шёл пешком, не спеша (своих лошадей у него ещё не было), и всё время пел...»

Через год. «У него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке».

Через четыре года. «Каждое утро он спешно принимал больных у себя в Дялиже, потом уезжал к городским больным, уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками, и возвращался домой поздно ночью. Он пополнил, раздобыл и неохотно ходил пешком, так как страдал одышкой. И Пантелеймон тоже пополнил...».

Ещё через несколько лет. «Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперёд прямые, точно деревянные руки, и кричит встречным «Прррава держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог».

Но интереснее и важнее ряд деталей, рассказывающий о внутренних переменах в душе Ионыча.

Вначале это молодой, романтически настроенный человек, который любит напевать для себя романсы — то на слова Дельвига, то Пушкина. Через год романтический настрой ещё не покинул его, он способен влюбиться, он отправляется на свидание — ночью на кладбище, и воспринимает облик этого кладбища, залитого лунным светом, как романтически светлое видение. Но вот он приходит делать предложение — и размышляет: «А приданого они дадут, должно быть, немало. ...Дадут приданое, заведём обстановку...» К романтизму уже подмешаны крупницы трезвой прозы.

Прошло время. «Потом, иногда вспоминая, как он бродил по кладбищу или как ездил по всему городу и отыскивал фрак, он лениво потягивался и говорил:

— Сколько хлопот, однако!»

Романтизм выветрился совершенно.

Через четыре года, встретившись с любимой когда-то девушкой, он «почувствовал беспокойство и подумал опять: «А хорошо, что я тогда не женился».

Под конец же, когда речь в его присутствии заходит о Туркиных, он спрашивает:

« — Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?»

От всего прежнего романтизма, от давней влюблённости, от того, что могло бы стать единственным светлым воспоминанием в его жизни, ибо было «единственной радостью» всех этих лет,— уцелел один засохший обрывок. И сама эта неправильная форма «на фортепьянах» — говорит больше, чем иные многостраничные описания.

Душа заплывала жиром и онемела от одышки.

Ещё один ряд подробностей отражает неизменность жизни, какую-то пропитанную формалином сохранность семейства Туркиных.

Мы встречаемся с ними в начале и слышим: «Здравствуйте, пожалуйста». В конце расстаёмся при возгласе: «Прощайте пожалуйста!»

Мы слышим одни и те же шутки, одни и те же «словечки» хозяина. «Умри, несчастная!»... «Недурственно»... И ничего не меняется до самого конца. «Иван Петрович не постарел, нисколько не изменился и по-прежнему всё острит и рассказывает анекдоты;

Вера Иосифовна читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой. А Котик играет на рояле каждый день, часа по четыре».

Каждый эпизод, каждая сцена содержат в себе внутренний авторский комментарий, но не прямой, а через ту или иную подробность, которую автор даёт ненарочито — просто для соблюдения бытовой полноты, для исполнения правила описывать жизнь «как она есть».

Вот в гостиной Туркиных гости внимают чтению серьёзного романа. Скоро их слух будет услаждён игрою на рояле. Интересное, приятное общение, милая образованная семья, в которой каждый служит обществу своим талантом. Летний вечер, окна, распахнутые в наполненный цветущей сиренью сад... «Окна были отворены настежь, слышно было, как на кухне стучали ножами, и доносился запах жареного лука...» И всё этим сказано.

Другой пример. Чехов нигде не говорит прямо, хороша ли игра на рояле дочери Туркиных. Он просто даёт отстранённое описание:

«Екатерина Ивановна села и обеими руками ударила по клавишам; и потом тотчас же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; плечи и грудь у неё содрагались, она упрямо ударяла всё по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьёт клавишей внутрь рояля. Гостиная наполнилась громом; гремело всё: и пол, и потолок, и мебель... Екатерина Ивановна играла трудный пассаж, интересный именно своей трудностью, длинный и однообразный, и Старцев, слушая, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни, сыплются и всё сыплются, и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться...»

Приводя новые и новые примеры авторского комментария через разного рода подробности описания, можно процитировать большую часть рассказа... Рассказа ли? По объёму это, разумеется, не что иное. Но по иным критериям содержание «Ионыча» выходит за рамки этой малой жанровой формы.

Из всех признаков, по которым происходит определение жанра произведения, лучше придерживаться простейшего формального: устанавливая временной отрезок, в который укладывается описание. Рассказ при этом будет посвящён отдельному эпизоду в жизни главного персонажа, повесть — ряду эпизодов, составляющих законченный период в жизни человека, роман — несколькими периодами, порою повествованию обо всей жизни героя. Исходить из значимости содержания было бы непродуктивно: иной рассказ может содержать в себе гораздо больше смысла, нежели роман, быть глубже и объёмнее по идее.

Опираясь на такой формальный критерий, можно легко установить, что «Ионыч» — маленькая повесть, поскольку здесь рассказывается о нескольких эпизодах в жизни доктора Старцева. Однако нетрудно же разглядеть, что каждый из эпизодов относится не к единому, но к разным периодам жизни его. Все эпизоды связаны с визитами Старцева в дом Туркиных, но каждый раз это уже иной человек, претерпевший качественные изменения в своём характере и внешнем положении. То есть: «Ионыч» — вмещает в себя описание, которое другие авторы распространяют на объёмный роман.

Здесь, к слову, можно найти ответ на то недоумение, какое нередко испытывают и исследователи, и читатели: почему Чехов так и не создал ни одного романа? Нередко указывают на безвременье, в которое жил Чехов, на невозможность, как прежде, отыскать важные и глубокие проблемы общественного существования, которым только и может соответствовать романная форма. Объяснение поверхностное: Чехова занимали в основном вопросы бытийственные, более значимые, чем суета социальной жизни. И он посвящал им порою именно романы, но настолько своеобразные и непривычные, что дать им подобное жанровое определение мало кто решался. В самом деле: нужно набраться смелости, прежде чем назвать рассказ «Ионыч» — романом.

«Ионыч» повествует о губительности стяжания земных сокровищ для души человека. Но сама по себе эта мысль для русской литературы не нова. Роман Чехова не о том

прежде всего. Автор показывает, как бездарная имитация душевной жизни (в сфере искусства, общественных интересов) закрывает для человека движение ввысь, к духовному — и он оказывается обречённым на усыхание души в материально-телесном существовании.

Писатель использует тот же, по сути, принцип характеристики целого общественного слоя, какой сформулировал прежде Тургенев: «если сливки таковы — что же молоко?» Лучшая и талантливейшая семья Туркиных отражает недостаточность душевной жизни всех обывателей губернского города. В подобных условиях Старцев медленно деградирует — и не способен противиться тому. Иные дома оказались и того хуже. Чехов раскрывает это опять рядом точных подробностей.

«Когда Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава Богу, идёт вперёд и что со временем оно будет обходиться без паспортов и смертной казни, то обыватель глядел на него искоса и недоверчиво спрашивал: «Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?» А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрёк и начинал сердиться и назойливо спорить. При всём том обыватели не делали ничего, решительно ничего, и не интересовались ничем, и никак нельзя было придумать, о чём заговорить с ними. И Старцев избегал разговоров, а только закусывал и играл в винт...»

«Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15,33).

Чехов утверждает необходимость полноты душевной жизни для человека. Без этого прорыв на уровень духовного в тех условиях, в которых он вынужден порою существовать, для него, человека, оказывается невозможным.

Полнота же душевной жизни невозможна без сознавания *высших целей, высших идей*. Чехов объективно, то есть показывая жизнь «как она есть», подводит внимательного читателя к объективному сознаванию этой истины, хотя прямо никак не навязывает такого вывода. Но иного сделать просто невозможно. Автор заставляет придти к этому выводу. Придти свободно, без нажима и деспотической проповеди.

Так проявляется важная особенность реализма Чехова. Реализма, насквозь пропитанного религиозным содержанием. Ведь для подлинно религиозного осмысления своего бытия не нужно через каждую строку всеу помянуть имя Божие. Нужно искать веру, испытывать её в себе и постигать во всей полноте.